

Представления, согласно которым «повседневность современного человека так легко становится небывалой авантюрой, и обыкновеннейший житейский облик превосходно заменяет ему любую фантастическую маску» (Там же), следует считать программными для Муратова. Они могли бы стать эпиграфом как к его комедиям, так и ко всему его художественному творчеству.

Литература

1. Бочаров С.Г. «Европейская ночь» как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле // Диалог культур – культура диалога. К 70-летию Нины Сергеевны Павловой. М. : РГГУ, 2002. С. 350 – 364.
2. Муратов П. Предвидения // Шиповник. Сборники литературы и искусства / под ред. Ф. Степуна. М. : Изд-во «Шиповник», 1922. № 1. С. 95 – 107.
3. Муратов П.П. Антиискусство // Ночные мысли / сост. Ю.П. Соловьёв. М. : Изд. гр. «Прогресс», 2000. С. 68 – 90.
4. Муратов П.П. Искусство и народ // Там же. С. 91 – 111.
- 5.. Муратов П.П. Очерки трех литератур. 1. Театр Пиранделло // Воля России. 1926. № 2. С. 86 м 95.
6. Рицци Д. Литературный и художественный контекст в «итальянских» новеллах П.Муратова // «Вторая проза». Русская проза 20 – 30-х годов XX века. Trento, 1995. С. 179 – 195 (Labirinti. 18).
7. Рицци Д.К. постсимволистской рецепции авангардизма: П.П. Муратов // Русский авангард в кругу европейской культуры : тез. и материалы Междунар. конф. М., 1993. С. 29 – 33.
8. Толмачёв В.М. Муратов Павел Павлович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918 – 1940). Т.1: Писатели Русского Зарубежья. М. : РОССПЭН, 1997. С. 272 – 275.
9. Толмачёв В.М. Образ красоты // Образы Италии. М. : Республика, 1994. С. 564 – 570.
10. Фоминых Т.Н. Пасторальная традиция в комедии П. Муратова «Приключения Дафниса и Хлои» // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем : сб. науч. тр. М. : МГОПУ, 1999. С. 112 – 123.
11. Фоминых Т.Н. «Кофейня» П. Муратова: культурфилософские аспекты пасторальной коллизии // Пастораль в театре и театральность пасторали : сб. науч. тр. М. : МГОПУ, 2001. С. 133 – 148.
12. Фоминых Т.Н. Золотой век в комедии П.П. Муратова «Мавритания» // Пасторали над бездной : сб. науч. тр. М. : МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. С. 92 – 102.

13. Фоминых Т.Н. «Кофейня» П.П. Муратова в IV Студии МХТ // Историческая поэтика пасторали : сб. науч. тр. М. : МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2007. С. 114 – 132.

14. Щемелёва Л.М. Муратов Павел Павлович // Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь (Русские писатели 11–20-го вв.). Т.4 : М. – П. / гл. ред. П.А. Николаев. М. : Большая Рос. энци., 1999. С. 171 – 175.

P.P.Muratov's drama in the author's essay context

There is shown the connection between drama and essay by P.P.Muratov. Essay is considered in the aspect of author's views on art in the XX century. There is accentuated that cultural, philosophical and aesthetic author's preferences explicit in his comedies let find out new substantial stratums.

Key words: *P.P.Muratov, essay, drama, culture and philosophy, aesthetics.*

И.В. НИКИТИНА **(Нижний Новгород)**

НОВОЕ МИРОВИДЕНИЕ: «ОБРАТНЫЙ СВЕТ» НА ВСЕЛЕННУЮ У. УИТМЕНА

Предлагается взглянуть на картину мироздания, созданную У. Уитменом в «Листьях травы», с позиций последних представлений науки о природе и мире в целом. Вывод, к которому приходит автор статьи, следующий: художественный мир Уитмена в свете нового мировидения расширился, заблистал новыми красками, стал более понятным читателю, а возможно, продемонстрировав свою корректирующую по отношению к науке функцию, и более авторитетным.

Ключевые слова: *художественный мир, хаос, космос, открытая система, новое мировидение.*

Рассмотрение философских взглядов У. Уитмена на природу и человека в свете развивающегося сегодня нового мировидения считаем целесообразным по двум причинам. Первая обозначена Ф.П. Федоровым: «Каждая новая эпоха может бросать

на тот или иной художественный мир как бы обратный свет, расширяя или, наоборот, сужая его диапазон» [4, с. 10]. На вторую указывает сам Уитмен: *Not to-day is to justify me and answer what I am for* [8, с. 14].

Здесь следует иметь в виду и тот факт, что философия Уитмена насквозь проникнута духом науки, в которой поэт видит свою союзницу. Приветствуя науку, он полагает, что Бог постепенно отдает тайны мироздания в руки ученых и тем самым раскрывает человеку свою явную и безошибочно узнаваемую сущность. Но, неограниченными полномочиями, и это важно подчеркнуть, Уитмен наделяет все же не ученого, а поэта. По его мнению, поэтическое начало является не только основой всякого познания, но и залогом того, что это познание приведет к красоте и добру. Всякая наука должна поверяться поэзией:

Then not your deeds only ... O scientists and inventors, shall be justified,

All these hearts as of fretted children shall be sooth'd (Там же, с. 349).

Конечно, если исходить из такого понимания статуса поэта, то вполне возможно говорить о корректирующей функции поэтического мира Уитмена применительно к науке.

Художественный мир Уитмена достаточно сложен и многогранен, это мир взаимопроникающих и взаимоперекрещивающихся отдельных частей, во многом определяющийся точкой его обозрения, поэтому при рассмотрении заявленной темы имеет смысл отталкиваться от четких выводов, к которым приходит современная наука – это будут своего рода лучи прожектора из будущего в художественный мир Уитмена, и уже в его свете рассматривать вселенную поэта.

Идея нестабильности, получившая сегодня широкое распространение, основывается на представлении о становлении порядка через хаос. Устойчивость вырастает из неустойчивости, ибо начало, рождение всякого нового структурного образования связано со случайностью, хаосом, неустойчивостью. В самоорганизующейся открытой нелинейной среде стадии устойчивости и неустойчивости оформления структур и их разрушения сменяют друг друга [1, с. 17]. Можно показать, что вселенная Уитмена, полностью подтверждая это положение современной науки, расширяется для современного читателя, дает ему бо-

лее полное представление об объективном мире.

Движение поэмы «Листья травы» с точки зрения сюжетного времени является не линейным, а циклическим. Об этом свидетельствует характер развития центральных образов и главных тем поэмы. Циклический характер и даже своеобразную «интригу» можно обнаружить и в движении отраженного в поэме глубокого интереса Уитмена к тайне бытия: *To be in any form, what is that?* [8, с. 50]. При раскрытии этой тайны поэт испытывает мучительные сомнения и даже рисует мрачные картины, но его природный оптимизм, вера в торжество божественных законов неизменно побеждают: *it is form, union, plan* (Там же, с. 76). Причем свои сомнения, как правило, он высказывает под впечатлением от какого-либо тягостного события или не приветливого явления природы:

Of the terrible doubt of appearances,

Of the uncertainty after all, that we may be deluded (Там же, с. 103).

I too but signify at the utmost a little wash'd-up drift,

A few sands and dead leaves to gather,

Gather, and merge myself as part of the sands and drift.

... ..

These little shreds indeed standing for you and me and all (Там же, с. 213).

Свой оптимизм Уитмен обосновывает, подводит под него философскую базу. Интересный комментарий к философии Уитмена представляет его стихотворение «Воспеваемая божественный четырехугольник» (*Chanting the Square Deific*), про которое он однажды сказал: «Это не стихотворение, а идея за стихотворением» [3, с. 480]. «Единую Цельность» божественного четырехугольника, «нерушимого, о четырех сторонах (нет ни одной ненужной)» составляют суровый моралист Иегова, утешитель Христос, коварный, облитый презрением Сатана и некий Всеобщий Дух, вобравший в себя всю жизнь на земле (Там же, с. 376 – 378). Уитмен так пояснил содержание стихотворения: «Четырехугольное единство – север, юг, восток, запад установленной вселенной (даже духовной вселенной) – четыре стороны, поддерживающие вселенную (нечто сверхъестественное)» (Там же, с. 480). Божественный четырехугольник есть воплощенная устойчивость вселенной, не-

обходимая поэту для реализации его идеи спасения здесь, на земле. Собственно, к спасению сводится суть демократии Уитмена, его программа спасения была социальной, рассчитанной не только на отдельное Я, но и на всю Америку, более того, – на все человечество [6, с. 47].

Итак, продолжительные периоды оптимизма, веры в устойчивость бытия сменяются в художественном мире Уитмена кратковременными моментами сомнений, страха перед хаосом. Но, переходя на язык современной науки, «хаос на микроуровне – это не фактор разрушения, а сила, выводящая ... на тенденцию самоструктурирования нелинейной среды» [1, с. 9]. Уитмен предвосхитил этот вывод в своей поэме: *Soft doctrine as steady help as stable doctrine* [8, с. 44].

Вселенная Уитмена как целое является саморегулирующейся средой, неконтролируемой извне, у нее собственная система кровообращения – «кровь, что бежит по телу вселенной» [6, с. 17]. И поэт, отталкиваясь от очередного сомнения, продолжает строить свою саморегулирующуюся вселенную, представляющую собой открытую в бесконечность («Моя правая рука – это время, а моя левая рука – это пространство – обе изобильны» (Там же)) нелинейную систему, в которой порядок и беспорядок, составляя единое целое, дают нам различное видение мира.

Важно иметь в виду, что «идея нестабильности позволила более полно включить человека в природу», преодолеть разобщенность «между социальными исследованиями и науками о природе» и привела к сближению внутреннего и внешнего миров [2, с. 47 – 48]. Согласно современному мировидению, природа уже не представляет собой, как ранее, «инертный объект желаний» человека, ей, «в качестве сущностной характеристики, присуща нестабильность» (Там же, с. 47), поэтому человек хотя бы ради собственного спасения обязан относиться к природе бережно и деликатно. Можно говорить о предвосхищении Уитменом и этого вывода: под спасением здесь, на земле, он также понимал полное слияние с Природой, причем как отдельного индивида, так и всего человеческого общества. Имея в виду идеальное общество, он говорил: «Демократия лучше всего сочетается с открытым воздухом, она сол-

нечная и отважная, и разумна лишь в союзе с Природой...» [6, с. 47].

Для Уитмена божественные законы, образующие как бы арку в человеческом сердце, вполне совместимы с уроками Природы. Кстати, здесь он следует за Эмерсоном, для которого Природа является тем органом «посредством которого Всеобщий Дух говорит с человеком» [5, с. 57]. На языке Уитмена явления природы – это письма (плоды), которые Всеобщий Дух пишет (роняет человеку):

All (objects of the universe. – И.Н.) are written to me, and I must get what the writing means [8, с. 42].

Why are there trees I never walk under but large and melodious thoughts descend upon me?

(I think they hang there winter and summer on those trees and always drop fruit as I pass;) (Там же, с. 130).

Эмерсон в центр Природы ставит нравственный закон – все происходящее в ней носит характер нравственного наставления. «Все, с чем мы сталкиваемся, назидает нам» [5, с. 45]. Уитмен эту эмерсоновскую мысль развивает в стихотворении «Одному из президентов» (*To a President*):

You have not learn'd of Nature – of the politics of Nature you have not learn'd the great amplitude, rectitude, impartiality [8, с. 228].

Здесь «назидание» Природы, ее законы, Уитмен распространяет и на социальную сферу. Известно, что в рамках позитивной науки такой подход, когда вся общественная жизнь, все институты, отношения строятся в соответствии с законами естественных наук, создавал условия для становления и развития социального идеала технократического типа. Но в художественном мире Уитмена – благодаря высокому статусу поэта – не было места технократической утопии.

Hurrah for positive science! Long live exact demonstration!

... ..
Gentlemen, to you the first honors always!

Your facts are useful, and yet they are not my dwelling,

I but enter by them to an area of my dwelling (Там же, с. 45).

В этом же направлении решается вышеобозначенная проблема и сегодня: «новое отношение к миру предполагает сближение деятельности ученого и литератора» [2, с. 51].

Что касается сближения внутреннего и внешнего миров, то эта мысль лежит в основе новой религии Уитмена – поэт подчеркивает значимость единения с природой ради индивидуальной души. В статье «Карлейль с американской точки зрения» (*Carlyle from the American Point of View*) Уитмен говорит о душе, провидящей божественный ключ и незримую нить, к которой, «словно собака к поводку охотника», привязаны все вещи, все события, вся история и время [7, с. 174 – 175]. Незримая нить ведет душу поэта в вещественный мир, ключ же открывает ту дверь, которая отделяет Я от не-Я.

«В мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [2, с. 52]. Известно, что, развивая идею совершенных и свободных личностей, Уитмен вслед за Эмерсоном придерживается эгоцентрической концепции. Эмерсон в эссе «Природа» пишет: «Он (человек. – *И.Н.*) помещен в самый центр бытия, и все другие творения устремляют к нему луч родства. И нельзя понять ни человека без этих других творений, ни другие творения без человека» [5, с. 36]. В «Листьях травы» находим подобное утверждение: *To me the converging objects of the universe perpetually flow* [8, с. 42].

Уитмен, помещая человека в центр бытия, исходит из высокой веры в человека, уверенности, что человеческой природе присуща способность к нравственному совершенствованию. Самый верный путь к нему он видит в единении с индивидуальным религиозным сознанием, которое, по мнению Уитмена, представляет собой целый поток богоподобных внушений. Именно на такой непосредственной связи с Богом зиждется эгоцентрическая концепция поэта. Но эгоцентрическое мироздание, окружающее в художественном мире Уитмена совершенную и свободную личность, не соответствует взгляду на историю науки, которого придерживались не только во второй половине XIX в., но и до недавнего времени – как на «историю прогрессирующего отчуждения» [2, с. 52]. В данном случае можно усмотреть результат проверки науки поэзией и заявить о корректирующей функции поэтического мира Уитмена.

«Необходимо понять роль зла как фактора выедания лишнего и потому как необходимого элемента для саморазвития

мира» [1, с. 9]. Уитмен вкладывал определенный смысл в некоторые чрезвычайно важные понятия, независимо от того, определял он их или нет, и проблема постижения смысла этих понятий заключается в том, чтобы изучить контекст с их употреблением. Это, прежде всего, касается понятий добра и зла (поскольку в художественном мире Уитмена зло неотделимо от своей противоположности – добра): *I am myself just as much evil as good, and my nation is* [8, с. 18]. Уитмен в «Листьях травы» неоднократно подчеркивает, что для него эти понятия противоположны друг другу: *The difference between sin and goodness is no delusion; The vulgar and the refined, what you call sin and what you call goodness, to think how wide a difference* (Там же, с. 367), – обращается он к читателю.

Для самого поэта зло и добро являются совершенными и необходимыми для развития: *What is called good is perfect, and what is called bad is just as perfect* (Там же, с. 369); *Evil propels me and reform of evil propels me, I stand indifferent* (Там же, с. 44).

Нельзя сказать, что уитменовская концепция добра и зла является равновесной и покоится на эгалитарной всевключенности. Скорее, она содержит некое подобие гегельянского синтеза, т.е. соответствует формуле «тезис – антитезис – синтез», о чем свидетельствует его маленькое стихотворение, имеющее подзаголовок «После чтения Гегеля»:

*Roaming in thought over the Universe, I saw the little that is
Good steadily hastening towards immortality,
And the vast all that is call'd Evil I saw
hastening to merge
itself and become lost and dead.* (Там же, с. 230).

В свете современного мировоззрения в открытой системе, – какой является вселенная Уитмена, способность к самоорганизации зависит от соревнования двух противоположных начал: созидательного – в мире Уитмена это добро и рассеивающего – в мире Уитмена это зло. Если рассеивающее начало в открытой системе пересилит работу начала созидательного, то возникнет хаос. Зло должно существовать на микроуровне, но и не отсутствовать полностью, иначе самоорганизация вселенной будет невозможной [1, с. 8].

Рассматривая это маленькое стихотворение Уитмена с позиций нового мирови-

дения, можно заключить, что речь в нем может идти лишь о тенденции зла к малости, но не о его полном уничтожении. Такой подход к стихотворению не будет противоречить всем вышеприведенным строкам, в которых поднимается тема добра и зла, т.е. будет соответствовать целостной уитменовской концепции. Так изменения, произошедшие в современных представлениях о Вселенной, помогают сегодняшнему читателю лучше понять и оценить художественный мир Уитмена.

Итак, рассматривая мировоззрение Уитмена в свете революционных изменений в сегодняшней картине мира, можно сделать вывод, что Космос Уитмена как гениального поэта и провидца создан по законам открытых саморазвивающихся систем, о которых и помыслить не могли в эпоху позитивизма. Новое мировидение ни в коем случае не сузило диапазон художественного мира Уитмена. Изменения произошли в других направлениях: в каких-то случаях этот мир стал шире, заблестал новыми красками, в каких-то – сделался более понятным, в каких-то – более авторитетным.

Литература

1. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопр. философии*. 1992. №12. С. 3 – 20.

2. Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопр. философии*. 1991. №6. С. 46 – 52.

3. Уитмен Уолт. Листья травы: перевод с англ / вступ. ст. М.О. Мендельсона ; примеч. А.Вашенко. М. : Худож. лит., 1982.

4. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига : Зинатне, 1988.

5. Эмерсон Р. Природа: эссе // *Эссе / Уолден, или жизнь в лесу / Г. Торо*. М. : Худож. лит., 1986. С.23 – 66.

6. Allen Gay Wilson. A Reader's Guide to Walt Whitman. N. Y., 1970.

7. Whitman Walt. Carlyle from the American point of view // *The complete prose works: Specimen Days*. N. Y., 1898. P. 174 – 175.

8. Whitman Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism / ed. by Michael Moon. N. Y. : A Norton critical edition, 2002.

Back light of new world-view on the Universe of Walt Whitman

There is suggested to look at the universe picture created by W. Whitman in "Leaves of Grass" from the position of the latest science conception about the nature and world as a whole. The conclusion the author comes to is as follows: in the light of the new world-view Whitman's artistic world has broadened, began to sparkle with new colours, became clearer to the reader, and perhaps more authoritative, having shown its corrective scientific function.

Key words: *artistic world, chaos, cosmos, open system, new world-view.*

